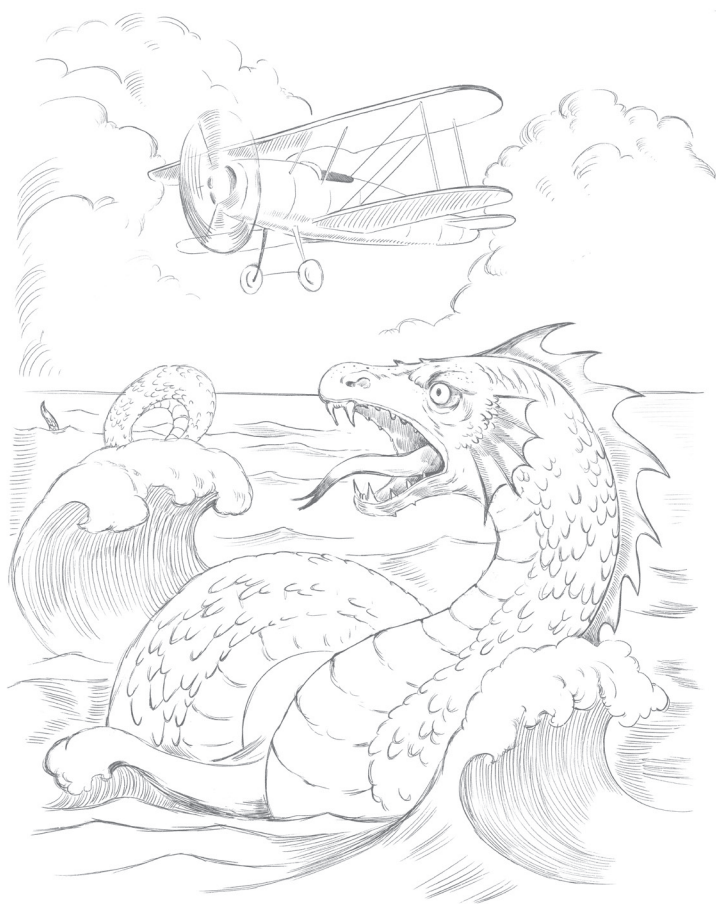

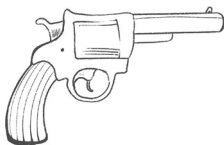
Оглавление

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: ДОЛГАЯ НОЧЬ.....	5
Глава 52	6
Глава 53	15
Глава 54	29
Глава 55	42
Глава 56	52
Глава 57	59
Глава 58	67
Глава 59	79
Глава 60	93
Глава 61	106
Глава 62	120
Глава 63	133
Глава 64	142
Глава 65	156
Глава 66	165
Глава 67	177
Глава 68	187
ЧАСТЬ ПЯТАЯ: ЦВЕТЫ ЗЛА.....	205
Глава 69	206
Глава 70	219
Глава 71	231
Глава 72	238
Глава 73	248
Глава 74	262

Глава 75	274
Глава 76	285
Глава 77	294
Глава 78	310
Глава 79	319
Глава 80	329
Глава 81	332
Глава 82	342
Глава 83	354
Глава 84	365
Глава 85	379
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ: ВРАТА РАССВЕТА.....	389
Глава 86	390
Глава 87	401
Глава 88	413
Глава 89	426
Глава 90	436
Глава 91	451
Глава 92	462
Глава 93	475
Глава 94	495
Глава 95	502
Глава 96	524
Глава 97	536
Глава 98	544
Глава 99	552
Глава 100.....	564
Глава 101.....	575
Глава 102.....	587
Об авторе	601
Об этой книге.....	603
Благодарности	605

**ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ:
ДОЛГАЯ НОЧЬ**

Глава 52

Дуло револьвера на вкус было как корица. Вильгельм ожидал иного. Резкого привкуса стали или, может быть, маслянистой терпкости оружейной смазки, а то и сухой горечи пороха. Но нет, на вкус дуло пистолета оказалось таким же, как Сесиль... Сесиль! Куда ни плюнь — всюду эта чертова Сесиль! Ну почему она не может оставить его в покое?

Скрестив ноги, Вильгельм Винкерс сидел на полу разгромленной квартиры, среди обрывков уничтоженных полотен, и ждал. Чего именно — он и сам не знал. Может, той самой, единственно верной секунды, когда у него будут силы спустить курок и покончить со своей паршивой жизнью? Жизнью, в которой его все предали: и друг, и любимая женщина, и город. В которой не осталось ни любви, ни дружбы, ни картин. Он сам их уничтожил, собственными руками. Вильгельм смотрел на обрывки холстов, на разбитый мольберт, на растоптанные тюбики с красками — разноцветные червяки расползлись по полу... Смотрел на поломанные кисти и уже не верил, что когда-нибудь сможет снова начать писать. Все ушло в одно мгновение, словно, переступив порог квартиры, Сесиль унесла с собой и его дар. Подло украла самое главное сокровище — его искрящееся вдохновение. И что же она оставила взамен? Дешевый черный револьвер — простой вы-

ход и очевидный намек. Давай, Вильгельм Винкерс, не трусь. Сейчас у тебя одна дорога...

Часы тикали, время шло. Устав держать пистолет во рту, Вильгельм прижал обслюнявленное дуло к виску — вдруг так будет легче? Но нет. Пальцы дрожали, но сил спустить курок не появилось. Он приставил пистолет к подбородку, и скошенная мушка царапнула кожу на нижней челюсти. На счет «три»? Раз, два... Четыре, пять.

Револьвер грохнулся на пол, Вильгельм спрятал лицо в ладонях и принялся методично повторять все ругательства, которые знал. Без злости, без ярости и гнева, но с тоскливой обидой в голосе. Черт, черт... Трус, слабак — вот кто он. Даже на такой простой шаг, как кончить жизнь самоубийством, оказался неспособен. Что уж говорить о том, чтобы удержать любимую женщину? Зря критики из «Суаре» хвалили его работы за *смелость*. Когда дошло до дела, этой смелости не набралось и с чайную ложку.

Это все Сесиль, она во всем виновата. Подлая стерва украла не только его вдохновение, но и его решимость...

Вильгельм прислушался к своим чувствам. Он ведь не боялся умереть, на самом деле. Плох тот художник, который страшится смерти. Его останавливало нечто иное. Быть может, подспудное понимание того, насколько бессмысленным окажется этот жест. Он ничего не решит и ничего не исправит, разве что цены на его картины взлетят до небес. Нет ничего пошлее художника, кончающего жизнь самоубийством. Это штамп, а штампов Вильгельм не признавал. Вот если бы можно было превратить свою смерть в произведение искусства... Поставить за спиной чистый холст и раскрасить его узором из собственной крови и мозгового вещества. Но и это тоже штамп. Кто-то из великих уже

провернул подобный трюк, а Вильгельм не хотел идти проторенной тропой. Бездарь Хавьер со своей банкой краски, брошенной в портрет Президента, и то был оригинальнее.

Вильгельм сжал виски ладонями и застонал. Проклятая Сесиль! Сучка, шлюха... Ну как она могла так с ним поступить? У нее же все было: и стол, и крыша над головой, деньги и подарки, а под конец он отдал ей даже свое сердце. А она, неблагодарная тварь, взяла и выбросила его на помойку ради какого-то недоделанного поэтишки-клоуна, у которого молоко на губах не обсохло. Почему? Неужели он был плох в постели? Но тогда какого хрена она так стонала, выгибалась и закатывала глаза? В чем этот щенок Арти настолько лучше, что Сесиль бежала к нему, позабыв надеть панталоны? Ни денег, ни перспектив... Он же до сих пор живет с матерью! Ничего у него нет, кроме смазливой физиономии... И таланта. Все же, как бы сильно Вильгельм ни ненавидел сейчас Этьена, он был достаточно честен, чтобы не отрицать наличие у того искры божьей. Но какой толк от поэтических дарований? Бедолага слишком опередил свое время и денег на своих стихах точно не заработает. Войдет в историю как непризнанный гений, но не более того. Как этот стихоплет собирается обеспечивать его малышку, которой так нужны и уют, и комфорт, и забота? Рифмами сыт не будешь, даром что рифмы Этьен презирал.

Не удержавшись, Вильгельм нервно захихикал. А ведь это тоже штамп: два гения — один поэт, другой художник — не поделили одну женщину. В будущем их биографы будут ссать кипятком от этой истории. Будут сочинять романы о бушующих страстях и настоящих чувствах. И им будет невдомек, насколько же все было пошло и банально. Такие дела: куда ни глянь, кругом сплошные штампы.

И самым банальным было то, что Вильгельм все еще любил Сесиль. Когда за ней захлопнулась дверь, ушло многое, но только не любовь к этой девушке с глазами испуганного лесного зверька. Хотя, казалось бы, нет в ней ничего особенного. Ни экзотической красоты Мидори, его предыдущей любовницы, ни откровенной сексуальности Адель, ни даже нарочитой артистичности Ивонн Ванмеер. Ни тайны, ни загадки... В рабочих кварталах сказали бы и того грубее: ни задницы, ни сисек. Другой бы на его месте плюнул и забыл: невелика потеря. Так отчего же он никак не может выкинуть ее из головы? Не может и не хочет.

Сесиль была... Вильгельм облизнул пересохшие губы. Слова давались ему плохо, он привык думать образами, а слова — игрушки для поэтов. Но он попытался. Сесиль была уютной, домашней, правильной. Такая девушка будет встречать каждый вечер у дверей, с одной лишь лентой в волосах, девушка, которая может поддержать и утешить, которая способна самую грязную дыру превратить в уютное гнездышко. Даже сейчас, когда она ушла, Вильгельм видел, как преобразилась его квартира с ее появлением. Мелкие детали, неприметные штрихи, но именно они и делали его дом настоящим домом. Горшок с цветущей фиалкой на подоконнике, ее вещи тут и там, сверток из булочной на обеденном столе... И ее запах, жасмин и корица, едва уловимый, но все еще здесь. Как долго он продержится? Сколько еще ждать, прежде чем квартира окончательно превратится в место холодное и чужое?

Вильгельм вскочил на ноги, так что закружилась голова. Хватит! Так больше продолжаться не может. Если он и дальше будет думать о Сесиль, то окончательно слетит с катушек. Вильгельм вцепился себе в волосы и дернул вверх.

— Уходи! — заорал он, обращаясь к запаху в квартире, к горшку с фиалкой, к своим собственным путанным мыслям. — Прочь! Прочь из моей головы!

Помогло? Если бы! Как бы ему ни хотелось этого (а на самом деле совсем не хотелось), он не мог прекратить о ней думать. О ее глазах, о теплом и мягком теле, о темных волосках у нее под мышками, о маленьких знаках внимания вроде нежного поцелуя в шею, когда он не хотел просыпаться на работу, и о том, как она засыпала в его объятиях... Кто ей снился, когда она улыбалась во сне? Он или проклятый Этьен Арти?

Голова наполнилась этими осколками воспоминаний, осколками прекрасного витража, разбитого вдребезги. И каждый резал как острый нож. Вильгельм прошелся по комнате, топча и ломая все, что попадалось ему на пути. Брюки до колен были вымазаны в краске, следы ее были и на пиджаке, и в волосах.

— Уходи, — взмолился Вильгельм. — Пожалуйста, уходи...

Сесиль не ушла, она захлопала длинными ресницами и спросила, как в тот день, когда она впервые пришла к нему с объявлением из «Суаре» в руках:

— Вы хотите, чтобы я разделась?! Но я же буду совсем голая!

— Уверю вас, мадемуазель, — соврал ей Вильгельм, — не нужно бояться. У меня и в мыслях нет ничего непристойного.

Не прошло и пары часов, как они переспали, и он в порыве нежности предложил ей остаться. А она согласилась... Легко пришла и так же легко ушла, растаяла, как сон. Сон чудесный и волшебный, но все сны заканчиваются.

Вильгельм метнулся к револьверу, но на этот раз не стал подносить его к виску. К счастью, этот порыв угас раньше, чем он успел натворить глупостей. Он

должен выгнать Сесиль из головы, если хочет сохранить рассудок, но пуля не лучший способ открыть эту дверь.

Вильгельм сел на кровать, тут же вспомнил, что на ней произошло, и перебрался на подоконник. Прижался лбом к холодному стеклу, покрытому с той стороны мелкой россыпью дождевых капель. Город был удивительно тих. Странное дело. Несмотря на поздний час, даже в это время можно услышать какие-то звуки: где-то проедет автомобиль, где-то хлопнет дверь, пройдет по улице ночной гуляка или жандармский патруль... На худой конец, вспорхнет с крыши стая голубей или закаркает ворона. Сейчас же тишина была абсолютной, на кладбище такой не бывает.

Вильгельм прикусил губу. Неужели это из-за беспорядков, устроенных брешистами? Страх расплылся по Столице, заставив всех затаиться и спрятаться... А потом он вновь подумал о Сесиль — как же иначе? Как она там, на темных улицах?

Конечно, рядом с ней был Этьен, но этого хлыща и соплей перешибить можно. Он не сможет ее защитить, тем более что свой пистолет этот дурень забыл. А если с ней что-то случилось?

— Это не моя проблема, — громко сказал Вильгельм. — Уходи!

И ни на грош себе не поверил. Вильгельм провел пальцем по запотевшему от дыхания стеклу, оставляя извилистую дорожку, по которой побежали капли воды. Еще штрих ногтем, еще мазок подушечкой большого пальца — и крошечное мутное пятнышко обратилось не в портрет, но в то, что могло стать портретом. Вильгельм подышал на стекло, увеличивая импровизированный холст, и продолжил рисовать — зыбкое, мимолетное искусство, которое исчезнет быстрее, чем успеет появиться. Глаз, плавная линия челки...

Он резко остановился, сообразив, кто именно смотрит на него с оконного стекла. Опять она! Да какого черта?! Одним движением руки он смазал не успевший родиться рисунок. Так дело не пойдет.

В конце улицы мигнул и погас фонарь, осталась только луна, спрятавшаяся за пеленой облаков, светлое пятно на почти черном небе. Вильгельм продолжал всматриваться в темноту, почти ничего не различая, словно весь мир сжался до размеров его крошечной комнатухи. И постепенно, как чудовище, поднимающееся из темных глубин, в голове стал вырисовываться план. Существовал только один способ избавиться от Сесиль — по крайней мере, единственный доступный ему, как художнику.

Когда Вильгельм еще учился в академии, он слышал историю о Шеппарди, одном из величайших живописцев прошлого века. У Шеппарди никогда не хватало денег на холсты, и большую часть своих полотен — теперь уже признанных, а тогда чересчур смелых и новаторских — он писал поверх старых работ. Каждая из его работ на самом деле представляла слоеный пирог: картина, слой грунтовки, затем следующая картина, и так до трех-четырёх слоев. Все знали, что под «Девушкой в жемчужном ожерелье» прячется не менее великая работа «Охота на вепря», вот только добраться до нее было невозможно, даже если уничтожить верхнюю картину.

Именно так он и должен поступить с Сесиль. Загрунтовать ее мысленный образ, уничтожить его, а поверх написать новую картину... Подобное лечится подобным, так ведь говорят? И если он хочет избавиться от мыслей о женщине, значит, ему нужна другая женщина.

Вильгельм провел по лицу холодной влажной ладонью. Другая женщина? Ха! Только где же ее искать

посреди ночи в этом напуганном городе? Первой мыслью было отправиться к Адель — еще свежи были воспоминания об их забавах на рабочем столе. Но меньше всего Адель подходила на роль утешительницы, несмотря на прочие свои достоинства. К тому же Вильгельм не хотел выяснять отношения с ее мужем, двухметровым мясником с кулаками размером с дыни. Тот сидел сейчас без работы и слишком нервно на все реагировал. Кроме того, это ведь Адель насоветовала ему купить торт, она спросит, как прошло предложение руки и сердца. Что он ей скажет?

Мысль цеплялась за мысль: Адель, торт... И идея вспыхнула, как спичка. Словно на горизонте зажглась Полярная звезда, указывая единственно верное направление. Ну конечно же! Есть в этом городе место, куда он может отправиться со своей болью. Место, где от старой картины не оставят и малейшего следа, покроют холст его жизни таким слоем грунтовки, что во век не догадаешься, что на нем было написано прежде. Он уже был там сегодня, его туда звали — что же он, дурак, сразу не воспользовался предложением? Когда жизнь делает столь недвусмысленные намеки, только круглый идиот станет их игнорировать. Если бы он сразу послушал ту милую женщину, не пришлось бы пробовать на вкус ствол револьвера. Как она там говорила? *Блондинки, брюнетки, катлинки, фринки, сарацинки...* Да какого черта?! Он перепробует их всех. Не будет вылезать из постели, пока в голове не останется даже мысли об этой сучке Сесиль. Денег у него хватит и на неделю, и на месяц в борделе. А что? Не самый плохой способ убить прежнего себя — потратить все нажитое состояние на выпивку и шлюх. Разве не так полагается жить и умирать художнику? Напившись до беспамятства, в объятиях пары умелых девиц с крепкими сиськами. На мгновение улыбка

вновь вернулась на свое законное место. Но катлинкам, фринкам и сарацинкам придется еще постараться, чтобы она утвердилась там окончательно.

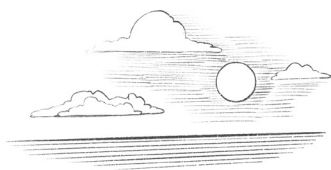
Вильгельм нашел ящик для красок, в котором хранил сбережения — пачки мятых купюр, векселя, довольно крупная сумма, которую он копил на то, чтобы перебраться в другую, более просторную, квартиру или в домик в пригороде. Но сейчас эти планы на «лучшую жизнь» потеряли всякий смысл. Не пересчитывая, он распихал деньги по карманам. Имеющейся наличности с лихвой хватит на то, чтобы снять всех до единой цыпочек в «Курятнике», включая брандершу. Такие времена, что шлюхи стоят дешево.

Дождь за окном усилился, забарабанил по стеклу, но подобные мелочи уже не могли его остановить. Его странствие не закончилось, а вышло на новый круг. Он спустился на самое дно ада, теперь ему предстоит выбираться наверх.

Самое дно? Вильгельм представил себя в окружении разгоряченных, потных женских тел, среди стонов, визга и криков... Он и в самом деле этого хочет? В глубине души Вильгельм не был в этом так уж уверен, но заставил себя думать, что у него нет выбора. Катлинка, фринка и сарацинка ждут его. Как и он сам, все они были рождены для этой ночи.

Путаясь в рукавах, Вильгельм натянул пальто и выскочил из дома. Впрочем, не прошло и пары минут, как он вернулся — забрать пистолет. Это оружие тоже было создано для этой ночи, и оно не собиралось пропускать все самое интересное. Оно просто ждало своего часа.

Глава 53

Море шепчет, море стонет, море плачет. Не шелестит, не плещется волнами, разбиваясь о прибрежные скалы, а говорит человеческим голосом. Кричит тихо, почти беззвучно, умоляет, просит: «Дочка, милая, пожалуйста... Пожалуйста, милая, мне больно, пожалуйста...»

Ивонн Ванмеер знает этот голос, знает как никто другой. Голос не моря, а ее несчастной умирающей матери. Голос сожранного болезнью человека, которому уже не помогают лошадиные дозы обезболивающего, у которого не осталось ничего, кроме отупляющей боли, огромной, как раскинувшееся перед Ивонн море. Этот голос рвет сердце Ивонн в клочья. Каждое слово, произнесенное этим голосом, — терновый шип, вонзающийся в грудь, каждое из бесконечных «пожалуйста» оборачивается глубокой кровоточащей раной. Она не столько слышит эти мольбы, сколько чувствует их. Скоро от сердца совсем ничего не останется, только черная дыра в трепещущей клетке ребер.

Но самой матери здесь нет. Ивонн идет вдоль кромки прибоя, по узкой песчаной косе. Слева от нее — бесконечное море, тяжелые волны цвета бутылочного стекла накатывают на пляж и лижут ее босые ступни. Справа от Ивонн высится отвесная скала из красного камня, ровная, как кирпичная стена. Ивонн смотрит

вперед, оборачивается назад, но не видит, где стена начинается и где заканчивается. Волны, которые омывают ее ноги, не холодные и не теплые. Ивонн вообще не ощущает их как воду, только чувствует ритмичные толчки. Странное море, неправильное. Оно совсем не похоже на то море, которое помнит Ивонн. На пляже здесь нет ни ракушек, ни гальки, ни гниющих водорослей... Не исключено, что и в толще вод не плавают рыбы, а по дну не ползают крабы и морские звезды. Но кто-то в этом море живет — кто-то очень-очень-очень большой, ибо кто еще может вместить в себя столько боли?

— *Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...
Помоги мне, дочка, помоги мне, милая...*

От этого крика-шепота у Ивонн звенит в ушах. Она останавливается, обратившись лицом к морю. В небе нет ни единой чайки, до самого горизонта — ни паруса, ни рыбацкой лодки. Да и сама линия горизонта отсутствует, не понять, где серо-зеленое море превращается в серо-зеленое облачное небо.

— *Дочка, пожалуйста, мне больно...*

Ивонн зажимает уши ладонями, но голос моря, голос ее матери, проникает сквозь любые преграды.

— *Помоги...*

— Я сделала все, что могла! — Ивонн гадко слышать свой голос, резкий, как чайчий крик. — Я сделала все что можно!

Море, или ее мать, не слышит или просто не способно воспринимать слова. Ивонн оказалась в ловушке, зажата между бесконечной болью и каменной стеной, которую ей не преодолеть. И она идет дальше, вдоль кромки прибоя, не веря, но надеясь и молясь о том, чтобы найти выход.

Она одета в легкое платье с оборками, на голове — соломенная шляпка с голубой лентой. Ивонн знает, что

это то самое платье и та самая шляпка, которые она носила в то лето, когда они с матерью и ее любовником ездили на море. Странное дело: тогда ведь ей было двенадцать, однако сейчас детская одежда ей совсем не мала. В то же время Ивонн ощущает себя отнюдь не маленькой девочкой.

— *Пожалуйста, доча, мне больно...*

— Чего ты от меня хочешь? — орет Ивонн. — Я не могу! Я не знаю, как тебе еще помочь!

Она продолжает идти. Ноги по щиколотку утопают в текучем песке, но за спиной не остается следов. А Ивонн все идет и идет... Она не знает, как долго это продолжается. Час, день, вечность? Ничего не меняется, ничего не происходит.

«Я умерла, — думает Ивонн. — Я умерла и попала в ад за все мои прегрешения. Я была плохой девочкой. Я не заботилась о своей матери, я слишком легко раздвигала ноги, я... Я умерла и попала в ад, и я это заслужила».

У Ивонн нет ни малейших сомнений в том, где она находится. Но как она здесь очутилась — этого она не помнит. Она старается, напрягает память, и что? Пустота, да и только. Мертвецам не полагается помнить о собственной смерти, мертвецы не знают, что они мертвы. Последнее, что помнит Ивонн, — сырая кирпичная стена и сильный запах хвойного одеколона, два образа, два воспоминания, которые не получается связать между собой.

— *Я не могу больше... Пожалуйста, я хочу... Пожалуйста, мне больно...*

— Я не знаю, как тебе помочь! — кричит Ивонн морю. — Прошу, не мучай меня, я не знаю...

— Неужели? — звучит гулкий голос. — Все-то ты знаешь, не ври.